

© Е.А. ЭЙХЕЛЬБЕРГ

eiche@mail.ru

УДК 323.15

ДЕПОРТАЦИЯ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ: ВЗГЛЯД ИЗ ГЕРМАНИИ

АННОТАЦИЯ. Депортации немцев — прежде всего результат политики тоталитарного сталинского режима. Память о депортациях — важный компонент исторического сознания общества.

SUMMARY. Deportation of the Germans is primarily the result of the policy of the totalitarian Stalinist regime. Remembrance of the deportations is an important component of society's historical consciousness.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Депортации, российские немцы, реабилитация.

KEY WORDS. Deportation, Russian Germans, rehabilitation.

Депортация — трагическая веха в истории российских немцев и в истории общества. Почти каждый немец из России старшего поколения прошел через это, память об этом хранится во многих семьях. Коллективная память о депортации составляет важнейший компонент исторического сознания российских немцев. Память об этом свидетельствует о том, что и в тяжелейших условиях общество находит силы для своего развития и осознает, что депортации не должны больше повториться.

Вопрос о природе и причинах депортаций имеет политическую подоплеку, поэтому он остается в поле дискуссий историков. В современной немецкой исторической литературе депортации немцев рассматриваются прежде всего как результат преступной национальной сталинской политики. В работах А. Айсфельда, Й. Баберовски, Д. Брандеса, В. Денингхаузена, В. Кригера [1], [2], [3], [4], [5] представлено новейшее состояние историографии, подтверждающее этот вывод на основе новых документальных источников. По словам В.Кригера, нападение Германии явилось лишь поводом для депортаций. Но есть и другая линия в немецкой историографии. Еще в 80-е гг. такие немецкие историки, как И. Фляйшхауэр, Б.Пинкус [6], полагали, что направленные против немцев репрессии и их депортации как высший этап репрессий были вызваны в конечном счете экспансией гитлеровской Германии на Восток. Эта идея повторяется и в новейших книгах некоторых немецких историков [7; 212] и представлена в определенной мере политически.

Но основная причина депортаций коренится в самой основе тоталитарного сталинского режима. Тот факт, что российские немцы являются в первую очередь жертвой сталинизма, признан и в законе РФ от 26.04.1991 о реабилитации репрессированных народов. Этнические меньшинства представляли угрозу для советского режима, и уже в середине 30-х гг. происходили «профилактические» депортации. В 1935 г. — высылка финнов из Ленинградской области, в 1936 г. — ссылка 69.000 чел. — в основном, поляков и немцев

из западных областей Украины в Северный Казахстан и т.д. В 1937-1939 гг. волна депортаций из пограничных областей была продолжена. Наконец, массовая депортация была проведена в начале войны по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Немецкое население ликвидированной АССР, немцев Поволжья и других районов было в течение нескольких недель депортировано в Сибирь и Казахстан. Депортация немцев была призвана оправдать первые месяцы поражения на фронте наличием внутреннего врага — т.н. «пятой колонны». По официальным данным, до конца 1941 г. было депортировано 794.059 человек [5; 27]. На территорию нынешней Тюменской области, входившую в 1941 г. в Омскую область, в 24 ее района было депортировано почти 7 тысяч немецких семей или 32316 человека [8; 34].

На картине художника Виктора Хурра «Депортация в 1941 г.» (См., например: [5; 17]) изображена сцена депортации, как она сохранилась в памяти людей. Многие сохранили в своей памяти картины тех сборов в Сибирь. Коровы, собаки, кошки ревели, предчувствуя надвигающуюся беду. Отто Оттовичу Коху тогда было только четыре года, но он помнил тогдашний стук от заколачиваемых ящиков. В вышедшей в 2008 г. книге воспоминаний так описывала Элли Вагнер одиссею немцев: «Нам дали несколько дней, чтобы подготовиться к долгому путешествию за Урал». «Захватите провиант, поездка будет длиться четыре недели! Каждый может взять с собой коробку с вещами — 80 на 60 сантиметров», было сказано нам. Горе тем, кто не придерживался этого указания! Их ящики просто столкнули с поезда...» [9; 67]. Далее из книги воспоминаний «Мое сердце осталось в России»: «В Покровском жили среди 4000-5000 жителей только 60 немцев. Чтобы немцы как можно скорее приспособились к новому русскому окружению, при депортации в Сибирь учитывали то, чтобы не образовалось никаких крупных немецких поселений». Элли Вагнер вспоминала: «В сентябре 1941 года моя семья из семи человек прибыла, наконец, в Сибирь. Здесь началась борьба за выживание. Мне было двенадцать лет, моему брату 15, мы помогали в лагере, при заготовке древесины, приготовлении пищи и стирке одежды». К счастью, ее мама была швеей и «привезла с собой свою швейную машинку и пуговицы. Это известие разнеслось по деревне, и женщины мало-помалу стали приходить со своей тканью и платьями к ней. Может быть швейная машина, которую мы транспортировали частями, и сохранила нам жизнь...» [9; 68]. Эдуард Мюллер вспоминал, в его 14 лет ему «пришлось взять на себя ответственность в нашей семье. 1943 был самый трудный год в нашей жизни. В этом году люди страдали не только от холодной зимы и голода, но это было также критическое положение на фронте. Бесчисленные русские солдаты были убиты, в том числе многие отцы и сыновья русских жителей нашей деревни. Ненависть к немцам достигла своей высшей точки. Хотя мы были совершенно невиновны, нас оскорбляли самым жестоким образом. У меня нет слов, чтобы описать это страшное время, которое оставило глубокие раны в моей душе. В ноябре 1943 г. я был направлен с двумя упряжками лошадей в районный центр Байкалово, чтобы привезти оттуда 18-летних солдат в Тюмень. ...От Байкалово до Тюмени 200 км. Уже было много снега, и было очень холодно. Я был одет слишком легко и имел с собой мало еды, но гораздо хуже было то, что они во мне сразу признали немца...» [10; 225]. Немного иначе вспоминает это время Роберт Вебер в своих

воспоминаниях, опубликованных в русскоязычной газете «Восточный экспресс»: «В сентябре 1941 года наша семья из шести человек оказалась под Тобольском, в селе Байкалово. Не успели освоиться на новом месте, как всех мужчин мобилизовали в трудовую армию. Отца и старшего брата увезли на Урал, на лесоповал. Через год та же участь постигла женщин: мать и семнадцатилетнюю сестру загнали в Златоуст, на военный завод. ... Ни на минуту не покидала мысль добраться до матери и сестры... С наступлением холодов мы с братом решили пешком, от села до села, добраться до Тюмени, а там попробовать сесть на поезд — глядишь, и доедем до Златоуста. На этом пешем пути нас, полуголодных и полураздетых, подобрали добрые люди, обогрели, отсоветовали двигаться дальше и через два дня со справками от сельсовета (выданными с наших слов) отвезли в соседнее село Артамоново, в детский дом №135. Тут мы оказались как у Христа за пазухой» [11].

За депортацией последовала мобилизация в трудовую армию. Она пополняла оскудевшую сеть ГУЛАГа, давала бесправную рабочую силу для эвакуируемых предприятий промышленности. Из воспоминаний Константина Шефлера: «Мой отец много не рассказывал о трудовой армии. Я сам был свидетелем того, как 10 января 1942 все мужчины от 18 лет и старше из Покровского и окрестных деревень были собраны в походную колонну. У каждого был рюкзак с запасом пищи на три дня. Примерно 45-50 немцев прошли пешком 86 километров от Покровского до Тюмени. Трудовой лагерь был окружен колючей проволокой, на каждом углу стояла башня с охраной. Кроме того, у входа в каждую казарму, в которой размещалось до 40 заключенных, находился солдат» [9; 247].

На основании секретного приказа Ставки Верховного Главнокомандующего от 8 сентября 1941 г., подписанного Сталиным, из армии были отозваны все немцы-фронтовики, за исключением немногих, за которых специально ходатайствовали их командиры и комиссары. Постановлениями ГКО от 10 января, 14 февраля, 7 октября 1942 г. осуществлялся призыв мужчин в возрасте от 15 до 55 лет, а также женщин от 16 до 45 лет, не имевших детей до 3-х летнего возраста. Мобилизованные направлялись в лагеря на строительство железных дорог, объектов металлургической, нефтяной, лесной и угледобывающей отраслей, передавались в распоряжение промышленных наркоматов. Последующие мобилизации осуществлялись вплоть до конца войны; всего в лагерях принудительного труда оказалось около 350 тыс. советских граждан немецкой национальности. До сих пор не ясно число жертв депортаций и трудовых лагерей. Так, В. Кригер, исходя из анализа архивных источников, оценивает потери в период 1941-1945 гг. не менее чем в 70.000-80.000 жертв принудительного труда [5; 49].

Оставшиеся на оккупированной территории Украины, Крыма и Северного Кавказа примерно 350 тысяч немцев сначала избежали депортации [5; 19]. При отступлении германских войск в 1943-44 г. немецкие власти в административном порядке переселили российских немцев на территорию Познанского воеводства (Вартегау), где они были приняты в немецкое гражданство. После вступления Красной Армии в Польшу и Германию большинство этих административных переселенцев было «репатрировано» на Восток и пополнило ГУЛАГовские лагеря и спецпоселения. С февраля по октябрь 1945 г. было депортировано примерно 204 тысячи [5; 19], а позднее еще десятки тысяч. В Тюменскую область

в 1946 г. было «репатрировано» 1785 закарпатских немцев — в Самаровский и Микояновский районы Ханты-Мансийского округа и в Ярковский район, где они были мобилизованы к работе в лесной промышленности [8; 51].

В 1948 г. в СССР находилось в спецпоселениях 1.012.754, и к 1953 г. 1.241 тыс. немцев (из них 28.695 в Тюменской области). По численности немцы продолжали составлять значительную часть населения СССР (также и в Тюменской области, которая находилась по численности немцев на 10 месте после Казахстана, Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Кемеровской, Свердловской, Молотовской, Челябинской и Омской областей). Тем не менее, в СССР немцы как особая национальная группа в то время как бы не существовала. Они были исключены из официального общественного сознания, так же как и их вклад в победу над фашизмом в войне 1941-1945 гг., которая представляла собой основу национального самосознания советского общества, не был признан официально. Только после смерти Сталина закончился период депортаций и спецпоселений и начался период частичной реабилитации. 13 декабря 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Спецучет был отменен, им разрешался относительно свободный выбор места жительства без права возвращения в родные места. Вместе с тем в соответствии с установкой ЦК КПСС на местах началась работа «по дальнейшему закреплению немцев в местах их настоящего жительства». Таким образом, депортация стала изгнанием советских немцев.

Некоторые исследователи в Германии и России склоняются к тому, что целью депортации немцев и последовавшей за ней мобилизации в трудармию был геноцид — целенаправленное уничтожение потенциально враждебной сталинскому режиму этнической группы. Представление о геноциде сталинского режима по отношению к некоторым этническим группам достаточно широко распространено в популярной западной исторической науке. Многие активисты движения российских немцев разделяют это мнение. Но исторические факты не подтверждают этого, поэтому более реалистично мыслящие историки говорят об элементах геноцида сталинского режима по отношению к немцам. Исследователи в России предпочитают понятие геноцида не использовать и нередко склонны объяснять депортации потребностями военного времени. Однако потребностями военного времени нельзя оправдать бесчеловечное отношение к трудармейцам и высокую смертность в лагерях [5; 20].

Многие немцы из России помнят о депортации, пишут об этом и издают свои воспоминания в Германии. Землячество немцев из России, которое состоит прежде всего из людей старшего поколения, испытавшего депортацию, играет большую роль в сохранении коллективной памяти. По переписи 1950 г. в Западной Германии насчитывалось 51 тыс. немцев, родившихся в пределах границ Советского Союза до 1939 г. Они объединились в рамках Землячества немцев из России, стали добиваться разрешения на переезд в Германию их родственников, оставшихся в СССР, и выражать их интересы в Германии. Местные отделения землячества немцев из России проводят многочисленные встречи с трудармейцами. К 70-летию со дня депортации 1941 г. были организованы многочисленные мероприятия, организованные по инициативе самих переселенцев и их общественных организаций. Среди политических мероприятий на федеральном уров-

не представляется особенно эффективным проект передвижной выставки «Народ в пути». Она проводится уже многие годы при федеральной и местной поддержке, сопровождается концертами с участием местных хоров. Конечно кратковременного появления выставки в помещениях местных советов, в церквях, школах недостаточно, и эта тема должна войти в школьные планы в Германии.

В целом отношение к немцам из России достаточно уважительно, но и в Германии им приходится бороться за свой позитивный имидж. В частности, они нередко рассматривались как пособники фашизма и коллаборационисты нацистского режима, а в Германии ведется решительная борьба со всем, что как-то связано с фашизмом. В одном из учебников по истории для гимназий советские немцы, проживавшие на территории Украины и административно высланные в Вартегау, огульно рассматривались как пособники фашизма. Это вызвало протест со стороны землячества. Огульные высказывания повторяются и в последних изданиях некоторых немецких историков по проблеме изгнания немцев из Восточной Европы [7; 223]. Тема депортаций тесно связана с темой изгнания немцев из стран Восточной Европы после окончания Второй мировой войны, и в немецких учебниках тема депортаций рассматривается в широком историческом контексте изгнанных со своих территорий народов. Поэтому землячество немцев из России входит с момента своего образования в объединение изгнанных из стран Восточной Европы немцев и последнее выступает также от имени немцев из России. Но вопрос о том, являются ли они изгнанными из России, остается дискуссионным. Так же нет в немецком обществе определенного единого взгляда на причины депортаций, а есть многообразие взглядов, которые представлены в разных политических кругах, что характерно для демократического общества. На фоне интенсивного публичного историко-политического дискурса ведется большая просветительская работа по преодолению последствий преступной политики нацистского режима. Так, Фонд будущего фонда угнанных в фашистскую Германию (*Zwangsarbeiter Stiftung*) профинансировал подготовленные молодыми учеными из разных стран Европы документации их биографий (12 млн. людей со всей Европы были приговорены к насильственному труду на фашистскую диктатуру). В школах проводятся регулярные встречи с бывшими узниками лагерей и т.д. Поэтому понятна распространенная в Германии критика того, что в России ведется недостаточная работа по критическому преодолению последствий тоталитарного сталинского режима. Но профессиональные немецкие историки высоко ценят в особенности фундаментальный вклад Н.Ф. Бугая, В.Н. Земскова, А.А. Германа в изучение депортаций и спецпоселений и в реалистическое рассмотрение истории.

Реабилитация депортированных народностей во всех аспектах имеет важное значение. Важен экономический аспект реабилитации. Вопросы предоставления льгот репрессированным находятся в ведении регионов России. Определенную роль играет Германия. Одним из основных приоритетов политики помощи Германии немецкому меньшинству в странах СНГ является оказание индивидуальной помощи, прежде всего старшему поколению российских немцев, в частности, бывшим трудармейцам, с целью содействия улучшению их жизненной ситуации. Международный союз немецкой культуры провел в 2011 г. многочисленные акции в рамках года социальной работы. Здесь важно выйти за рамки национальных границ и посмотреть, что можно еще сделать. Многие трудармейцы, живущие

в Германии, получают пенсию также от России. Та часть пенсии, которая дана в качестве компенсации за репрессии, должна быть точно определена. Такая акция стала бы вкладом в реабилитацию и тем самым повысила бы престиж России не только среди пенсионеров, но и членов их семей, живущих в Германии. Важны и другие аспекты реабилитации для преодоления негативных последствий депортации, в особенности синдрома «репрессированного народа». При этом сохранение коллективной памяти о депортациях является элементом духовной реабилитации депортированных народностей и общества в целом, ее присутствие в историко-политическом дискурсе способствует реалистическому переосмыслению национальной истории и развитию национального самосознания общества. Важную роль в этом играют проводимые на эту тему конференции. Так, она стала ключевой темой не только приуроченных к 70-летию депортации советских немцев немецко-российских конференций, но и проведенных в Тюмени в 2011 г. шестых «Стеллеровских чтений». Вклад молодых россиян и особенно совместные акции немецкой и русской молодежи [12] также способствует сохранению коллективной памяти о депортациях, которая должна занять неотъемлемое место в историческом сознании российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung. Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen in Russland. Hrsg.: Alfred Eisfeld. Sonderband der Reihe «Heimatbücher der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e. V.». Stuttgart, 2008. 287 S.
2. Baberowski Jürg. Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. 288 S.
3. Lexikon der Vertreibungen. Deportation. Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts. Hrsg.: Detlef Brandes, Holm Sundhausen, Stefan Troebst u.a. Redaktion: Dmytro Myeshkov. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag, 2010. 802 S.
4. Dönninghaus Victor. Minderheiten in Bedrängnis. Die sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917-1938. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2009. 693 S.
5. Keiner ist vergessen, Gedenkbuch zum 70. Jahrestag der Deportation der Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 2011. 160 S.
6. Benjamin Pinkus, Ingeborg Fleischauer: Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987. 599 S.
7. Eva Hahn, Hans H. Hahn. Die Vertreibung im deutschen Erinnern. Legenden, Mythos, Geschichte. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2010. 839 S.
8. Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень: Вектор Бук, 1999. 151 с.
9. Mein Herz blieb in Russland: Russlanddeutsche erzählen aus ihrem Leben. 34 Geschichten und Berichte von Zeitzeugen. Hrsg.: Larissa Dyck und Heinrich Mehl. Berlin: Zeitgut-Verl., 2008. 446 S.
10. Miller, E. Erinnerung an die Vergangenheit // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. Hrsg.: Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. Stuttgart: Landsmannschaft, 1. Teil. 2000. S. 225-226.
11. Вебер Роберт. ...И выбросить из вагона! // Восточный экспресс. 17(97). 2000. С. 13.
12. Unvergessliche Eindrücke: Jugendliche aus Tjumen in Friedland und Berlin // Volk auf dem Weg. 2011. №11. S.13.